

Когда человек приблизился, Госпожа Цзы разглядела, что лицо его не назовёшь красивым — огромное родимое пятно цвета персикового цвета, но оно не могло скрыть мягкости его черт. Вокруг не чувствовалось ни капли убийственного настроения, словно он только что вышел из благоухающего весеннего сада. И всё же никто не решался преградить ему путь.

Все знали: это Шэнь Дуань, Игла Персикового Цвета. Оскорбить его — значит навлечь гнев всей Долины Персикового Цвета, а прогневить Долину — значит стать врагом всех целителей Поднебесной. Ведь кто в будущем сможет обойтись без врачей, будь то рана или болезнь?

Он шёл по воде в одиночестве, но казалось, будто за ним следует целое войско. Хотя кончики его ног едва касались поверхности, не поднимая и брызг, зрелище это поразило даже Тан Юаня.

— Взгляните на его выходку, — сказал он Госпоже Цзы. — Поистине величественнее, чем моё появление в Тереме. Слава Иглы Персикового Цвета не пустой звук.

Увидев, что Шэнь Дуань уже у подножия Терема Дымной Воды, Госпожа Цзы поспешно поднялась.

— Молодой герой, когда вы входили сюда, одним ударом меча сразили троих и взметнули волну в десять чжанов. Вам тоже есть чем гордиться. Раз гость прибыл, я не буду мешать. Пока я жива, я остаюсь ученицей Павильона Недеяния и не предаю его. Прошу вас позаботиться о Павильоне. Если понадобится моя помощь — обращайтесь. А теперь я оставляю вас беседовать и распоряжусь насчёт ещё пары блюд. — С этими словами она закрыла дверь, оставив его одного в беседке.

Шэнь Дуань впервые посещал знаменитый Терем Дымной Воды. Слава славою, но он почти безвылазно жил в Долине Персикового Цвета, погружённый в изучение медицины и боевых искусств. Разве что если бы в Тереме объявился пациент — тогда бы он, возможно, нанёс визит. Не будь тайного письма от Тан Юаня, он бы сейчас, наверное, возился с целебными травами в Долине.

Подойдя к Терему, он огляделся. Единственный путь наверх лежал по шёлковому трапу, но он, не зная дороги, уже прошёл мимо. Возвращаться было неловко. Не долго думая, он подпрыгнул, ухватился за подоконник второго этажа, ловко раскачался и, оттолкнувшись, взметнулся ввысь. Достигнув верхней точки, он не остановился, а стремительно переступив по воздуху дважды, использовал инерцию, чтобы подняться ещё выше.

Наконец он увидел.

Шэнь Дуань, всё ещё застывший в позе парящей птицы, в окне увидел Тан Юаня, сидящего за столом, на котором стояли две рыбы.

Тан Юань, склонив голову набок, с лукавой улыбкой крикнул в окно:

— Герой Шэнь, пожалуйста! Рыбку отведайте!

С глухим стуком Шэнь Дуань приземлился на черепицу крыши.

С шумом взметнулась стая ворон, черной полосой пересекла багряный закат и умчалась на запад.

После отъезда Тан Юаня в столице наступило затишье.

Искусство Тысячеликого было столь совершенно, что даже родители Тан Юаня поначалу не распознали подмену. Но Тысячеликий не стал затягивать шутку и вручил им собственноручное письмо Тан Юаня.

Пожилая пара отнеслась с пониманием — добрую половину жизни их «сыном» был кто-то другой. Дела младших они уже не контролировали, пусть творят что хотят.

Однако Тысячеликий, подменяя Тан Юаня и скрывая его отъезд, совершал ни что иное как «преступление против Сына Неба». Лишнего внимания привлекать было нельзя, и он отговорился болезнью, засев дома.

Весть о возвращении молодого господина Тана ещё не успела разлететься, как вереница носилок с императорскими целебными снадобьями, проследовавшая к воротам усадьбы Тан, возвестила всем: молодой господин прихворнул.

— Слыхали? Тот отпрыск семьи Тан — определся.

— Подарки от Императора в два ряда несли!

— А то! Племянник Императора же. С малых лет не отличался здоровьем.

— Разве не поправился? Недавно ещё в столице видели, с отпрыском министра финансов вино распивал.

— Эй, раз выздоровел — почему бы и не погулять? Только я слышал, хворь-то у него не врождённая. Кто-то, говорят, подсыпал.

У самой стены императорского города, у неприметной чайной лавки, собралась кучка народа. Дела у них не было, вот и толклись, трепались о том о сём. На дворе стояла середина осени, а они щеголяли босиком в соломенных сандалиях, усевшись на табуретки и попивая чай прямо из горшочков.

Тот, кто говорил последним, для пущей убедительности пригнулся к столу и зашептал, словно открывая великую тайну. Но окружающие лишь фыркали, а хозяин лавки так вообще едва удержал чайник от смеха:

— Чжан Лаосань, это опять твоя троюродная внучка по материнской линии нашептала? Ха-ха! Отчего ж мы-то про такое не слыхали?

— Не внучка, дядя! Дядя! — запальчиво поправил тот, аж весь покраснел. Остальные захохотали ещё громче, отчего его лицо стало цвета спелого арбуза.

И никто не заметил, как с оглушительным лязгом на стол рухнул меч — прямо перед самым носом Чжан Лаосаня.

Его лицо, мгновение назад багровое, побелело, как мел. Ноги затряслись, задрожали губы, и он попытался выкрикнуть «Помогите!», но голос застрял в горле, перекрытый новым тяжёлым ударом.

На стол свалился труп.

Труп человека из мира боевых искусств.

Труп, падая, ещё не испустил дух. Казалось, он собрал последние силы, чтобы напугать Чжан

Лаосаня напоследок. Обрушившись на столик и разнезя его вдребезги, он упал прямо перед ним и конвульсивно ухватился за его штанину. Но штанин не было — костлявые пальцы впились прямо в щиколотку.

Это прикосновение сработало как спусковой крючок. Горло Чжан Лаосаня выдавило пронзительный, почти женский визг:

— Уби-и-йство!

Остальные посетители чайной тоже остолбенели, но им повезло больше — они хоть сохранили подобие рассудка. Хозяин лавки, самый сообразительный, сквозь боль от разбитого имущества ухватил одного за рукав:

— Беги в стражу! Стражу позови! Они ближе всех и денег не берут. Управление пяти городских округов ещё и штраф наложит! Скажи, убийство тут случилось, пусть старшего начальника шлют, чем выше чином — тем лучше!

— Ладно, ладно! — Ошеломлённый парень рванул с места и скрылся из виду.

Лишь когда того и след простыл, перепуганная компания мало-помалу пришла в себя.

— Чжан Лаосань, пни его, глянь, жив ли ещё.

— Я? Не-а, ты пни.

— Тогда Ван-старшему надо.

— Мне? Ни за что.

Приятели принялись перекидывать обязанность, словно последнюю грушу. В конце концов, так и не решившись, они обступили «труп» кольцом и уставились на него, словно на заморскую диковинку.

— Чё-то мне кажется, он ещё дышит, — заметил Чжан Лаосань.

— Ещё бы! Дышит ведь. Может, лекаря позвать?

— Да ну, лекарь денег стоит. Слышал я, эти бойцы — народ крепкий, авось сам очухается.

— И то верно.

Пока они препирались, послышался мерный лязг — подоспела стража. Звук доспехов отвлёк их от полуживого тела.

Чжан Лаосань обернулся и увидел: стража расступилась, пропуская молодого человека на статном вороном коне. Тот был облачён в лёгкие доспехи, у пояса висел меч из лазурной стали, а держался он прямо и жёстко, словно древко копья с красной кистью.

Юноша наклонился, что-то шепнул своему чёрному как смоль коню, и тот послушно опустил голову. Молодой человек спрыгнул на землю, и конь тут же замер на месте, лишь лениво помахивая хвостом.

Юань Сяо, не вынимая меча из ножен, подошёл к собравшимся. Загораживавшие ему путь люди поспешно расступились, образовав проход. Он присел на корточки рядом с телом, и тут

же любопытные снова сомкнули круг, вытягивая шеи, чтобы увидеть поближе.

Вглядевшись в лежащего, Юань Сяо почувствовал смутное знакомство. Затем он взглянул на меч, лежащий на обломках стола — гибкий клинок, отливающий холодной сталью, острее обычного меча. Меч Чэнцянь. Значит, и человек — несомненно, Ван Чэнцянь.

Ван Чэнцянь, один из десяти великих мастеров мира боевых искусств, наследник Усадьбы Восьми Ветров. С детства он только сам кого-то рубил. Когда это его успели так обработать?

— Отнести в мою усадьбу, — приказал Юань Сяо, поднимаясь и обращаясь к помощнику. Подумав, он поправился:

— Нет, лучше в лагерь. Позови двух лекарей, что по ранам специализируются. Жизнь ему сохранить.

<http://bllate.org/book/16265/1463627>